

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.10>

UDC 94(495).03+355.48+355.233.23

LBC 63.3(0)4-93

Submitted: 15.06.2024

Accepted: 04.12.2024

THE BATTLE AT DEMETRIAS IN THE THESSALIAN CAMPAIGN OF JOHN PALAIOLOGOS: A MILITARY HISTORICAL RECONSTRUCTION

Vladimir A. Zolotovskiy

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The author proposes a new reconstruction of the military-political conditions for the organization of the Thessalian campaign of John Palaiologos, as well as the major naval battle in the history of the Late Byzantine Empire that took place during it. The warfare between the Latin and Byzantine fleets at Demetrias is of interest due to the possibility of battle practice analysis in the context of the formation of the early Palaiologian military-strategic concept and the development of late Byzantine military art in general. *Methods.* The methodological basis of the work is the critical use of elements of systemic approaches. It should be noted that the system approach allows us to reveal the role and level of mutual influence of political and socio-economic factors that determined the specifics of military organisation and the development of military science and battle practice. *Analysis and results.* After the renewal of the church union discussion, hoping for the support of Clement IV in the war of the anti-imperial forces, the Byzantines organized a new large-scale campaign in Thessaly. In the spring of 1273, the army of many thousands was sent there. An analysis of the sources that reported detachments about the second stage of the campaign showed that along with the decision to send the French knights to Neopatras, the Lombard barons of Euboea began to form a flotilla. The purpose of the squadron being formed was to inflict a crushing defeat on Byzantium at sea. The reconstruction of the battle at Demetrias showed that the Byzantines were not prepared for the naval battle that had begun. This was due to the fact that the fleet under the command of Philanthropenos, within the framework of the Thessalian campaign, only an auxiliary role was assigned. It could equally act as a cover for the land forces from potential assistance from the Euboean barons and also be used to reshuffle a large land contingent to the area of the main warfare. The analysis of the naval battle showed that the Byzantine army's military successes were based not only on the talent of the commanders who commanded the military troops during the period of the military organization degradation. In such a significant battle, the defeat of which the entire imperial fleet was threatened with destruction, Philanthropenos's squadron won thanks to professional training and combat experience, which was based on knowledge of Byzantine polemology. The outcome of the battle was influenced by the composition and number of the ground forces involved, as well as the use of stratagems.

Key words: history of Byzantium, early Palaiologian period, naval battle at Demetrias, military organization, Byzantine navy.

Citation. Zolotovskiy V.A. The Battle at Demetrias in the Thessalian Campaign of John Palaiologos: A Military Historical Reconstruction. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2024, vol. 29, no. 6, pp. 142-154. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.10>

УДК 94(495).03+355.48+355.233.23

ББК 63.3(0)4-93

Дата поступления статьи: 15.06.2024

Дата принятия статьи: 04.12.2024

СРАЖЕНИЕ ПРИ ДИМИТРИАДЕ В ФЕССАЛИЙСКОЙ КАМПАНИИ ИОАННА ПАЛЕОЛОГА: ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Владимир Алексеевич Золотовский

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Основной задачей статьи является реконструкция военно-политических условий организации фессалийской кампании Иоанна Палеолога и произошедшего в ходе нее крупнейшего в истории палеологовской империи морского сражения. Столкновение латинского и византийского флотов при Ди-

митриаде представляет интерес в связи с возможностью анализа боевой практики в условиях формирования раннепалеологовской военно-стратегической концепции и развития поздневизантийского военного искусства в целом. После возобновления обсуждения церковной унии, надеясь на поддержку Климента IV в сдерживании антивизантийских сил, ромеями была организована новая крупномасштабная кампания в Фессалию, находящуюся фактически под суверенным управлением мятежного севастократора Иоанна II Ангела. Анализ источников показал, что вместе с принятием решения об отправке отряда французских рыцарей к Неопатрам для вступления в борьбу с византийским сухопутным корпусом Иоанна Палеолога, бароны Эвбеи приступили к формированию флотилии. Целью формируемой эскадры было нанесение сокрушительного поражения Византии на море. Анализ хода боевых действий при Димитриаде показал, что византийцы не были готовы к начавшемуся морскому сражению в связи с тем, что в рамках фессалийской кампании флоту под началом Филанфропина отводилась лишь вспомогательная роль. Он мог в равной степени выступать прикрытием сухопутных сил от потенциальной помощи со стороны эвбейских баронов, а также использоваться для передислокации крупного сухопутного контингента в район основных боевых действий. Проведенная реконструкция морского сражения показала, что боевые успехи византийской армии основывались не только на таланте полководцев, командовавших войсковыми соединениями в условиях деградации военной организации. Представляется очевидным, что в столь значительном сражении, поражение в котором грозило гибелью всего имперского флота, эскадра Филафропина одержала победу благодаря профессиональной подготовке и боевому опыту, основанным на знании византийской полемологии. На исход сражения повлияли состав и численность задействованного сухопутного войска, а также применение военных хитростей.

Ключевые слова: история Византии, раннепалеологовский период, сражение при Димитриаде, военная организация, военно-морские силы.

Цитирование. Золотовский В. А. Сражение при Димитриаде в фессалийской кампании Иоанна Палеолога: военно-историческая реконструкция // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2024. – Т. 29, № 6. – С. 142–154. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2024.6.10>

Введение. После возвращения Константинополя важнейшей стратегической задачей, стоявшей перед Михаилом VIII, было обеспечение обороноспособности столицы и защиты западных и юго-западных границ империи. Решение поставленной задачи требовало адекватной стратегической концепции и отлаженной организации военной системы.

Для усиления безопасности Константинополя был проведен комплекс специальных мероприятий: восстановлены стены и крепости со стороны сухопутной части подступов к городу [33, vol. I, p. 219^{20–21}, 223^{3–4}]; с моря от Акрополя к южной оконечности стен побережья Мраморного моря была воздвигнута единая оборонительная линия, «состоявшая из протяженной стены, укрепленной частыми башнями, расположенными близко к морю, с целью усложнения продвижения отрядов противников» [25, p. 188].

Фактическое уничтожение Латинской империи и захват Царицы городов, являвшихся главными причинами обострения отношений Византии с латинскими и греческими государствами, предопределили повышение роли

дипломатических акций во внешней политике империи. Первым шагом по пути нейтрализации угрозы организации похода объединенных латинских войск против ромейского государства были усилия, направленные на возобновление диалога с папской курией. На протяжении следующего после освобождения столицы десятилетия в политическом векторе внешней политики основное внимание было также уделено умиротворению латинских сил через Святой Престол в рамках подготовки и реализации проекта церковной унии [22, p. 254–255; 31, p. 47–49; 39, p. 96–100]. Помимо этого, использовалось традиционное средство византийской дипломатии – заключение брачных союзов [31, p. 47]. В результате под впечатлением от контактов императора с Урбаном IV Гийом Виллардуэн выразил согласие на перемирие с Палеологом. Также лишенный поддержки Манфреда Сицилийского, Михаил II Ангел был вынужден не только пойти на заключение мира¹, но и присягнуть на верность Михаилу VIII [33, vol. I, p. 285^{6–14}] (также см.: [30, p. 8]).

Одновременно с этим византийские вооруженные силы последовательно увеличивали

глубину обороны западных границ, а также усиливали контроль над бассейнами Эгейского и Мраморного морей. Так, параллельно с достижением договоренностей с Урбаном IV, позволивших временно сдержать ревизионистские намерения латинян, византийский император возобновил военные действия на Западе. При этом созданный Михаилом VIII военный флот обеспечил возможность сосредоточения на этом направлении всех сил империи и организации первых в истории палеологовского периода крупномасштабных кампаний. Отметим, что роль этой формы ведения боевых действий, получившей отражение в полемологии [42, р. 488^{669–674}], в военной истории поздней Византии недооценена, а сами они удостоились лишь косвенного упоминания в литературе, без детального анализа условий их проведения. Событиям одной из таких кампаний, незаслуженно обойденной специальным вниманием исследователей, и посвящена наша статья. Особый интерес для нас представляют вопросы реконструкции военно-политических условий организации фессалийской кампании Иоанна Палеолога, а также раскрытия особенностей тактики ведения морского боя на примере крупнейшего в истории палеологовской империи морского сражения при Димитриаде [18, S. 144–145; 41, vol. 1, p. 603–604].

Методы. Методологической основой работы является критическое использование элементов системного подхода. Отметим, что при анализе событий политической и военной истории как структурных совокупностей взаимосвязанных элементов системный подход позволяет раскрыть роль и степень взаимовлияния политических и социально-экономических факторов, определивших специфику военной организации, развития военного искусства и боевой практики. Системный подход также дает возможность продуктивно изучить военное дело во всей совокупности его элементов, принципов развития и функционирования. Особое значение для исследования вооруженных сил и военного дела приобретает структурализм. Основные положения этого методологического подхода позволяют изучить ряд военных институтов и военно-научных концепций на предмет их специфики в раннепалеологовский период.

Анализ. Обострение стратегической ситуации для Византии произошло после поражения Манфреда Гогенштауфена при Беневенто (26 февраля 1266 г.)². Сокрушивший армию Манфреда Карл Анжуйский возглавил крупнейшую и наиболее продолжительную в истории палеологовского периода коалицию латинских государств, в которую вошли не только балканские соперники Византии, но и главные военно-политические силы Европы, включая папство и Венецию. Целью этого альянса было уничтожение Византии и восстановление Латинской империи со столицей в Константинополе³. Появление на международной политической арене Карла Анжуйского было определяющим внешнеполитическим фактором в нарушении и без того шаткого баланса сил в греко-латинских отношениях. Основная угроза, исходившая от сицилийского противника, находилась в сфере военно-морского противостояния.

Начало военных действий армии Карла Анжуйского с целью сокращения Византии относится ко времени его вступления во владения Гогенштауфенов. В соответствии с данными византийских источников, Карл начал подготовку первой кампании против Константинополя спустя некоторое время после сражения у Беневенто⁴. Укрепляя свои позиции на Балканах, он установил близкие отношения с принцем Ахайи. Согласно «Морейской хронике», между дочерью Виллардуэна Изабеллой и сыном Карла Филиппом был заключен брак [40, p. 407 line 6265–6284 – p. 408 line 6285–6288]. Несколькими месяцами позднее попытки создания альянсов, а также собственно подготовка конкретного плана военных действий и проекта взаимодействия латинян в предполагаемом восстановлении Латинской империи были закреплены подписанием в апреле – мае 1267 г. в Витербо двух соглашений⁵.

По достигнутым договоренностям, взамен на предоставление Балдуину II в течение двух лет двух тысяч конных воинов, Карл Анжуйский не только наделялся правом владения Мореи, островов архипелага [23, p. 137], но фактически обретал статус сюзерена прежних владений Манфреда Гогенштауфена, территории Эпира, Албании, Сербии и Фессалоники⁶. Таким образом, Карл Анжуйский подготовил

все необходимые условия для создания на Балканах плацдарма для нападения на Константинополь. Предпринятые им меры представляются тем более актуальными в связи со слабостью анжуйского флота, потенциал которого не позволял в тот период организовать прямую морскую экспедицию к Константинополю. Тем не менее в результате успешной политики Карла Анжуйского Византия находилась в крайне сложном стратегическом положении. Однако начало открытого противоборства долгое время сдерживал целый ряд международных военно-политических факторов.

Воспользовавшись этим, в то время, когда Карл был занят тунисским крестовым походом, Михаил VIII возобновил военные действия на Пелопоннесе. По сути целью новой военной кампании был захват территорий всего полуострова. Однако вполне очевидно, что экспансия на западном направлении была вызвана стратегической необходимостью. Установив контроль над прибрежными и внутренними землями Пелопоннеса, император создавал своеобразную буферную зону, обеспечивающую не только сдерживающий эффект, но и препятствовавшую усилению и раскрытию военно-экономического потенциала Сицилии.

Возвращение Михаила VIII к переговорам о церковной унии в 1272 г. [20, р. XV] открыло для противников империи возможность сдерживания Святым Престолом действий латинских сил и повторения событий 1262–1263 гг. [39, р. 110–112; 13, р. 161–180]. В этих условиях, несмотря на занятость в тунисской экспедиции, Карл Анжуйский использовал силы своих союзников для снижения боеспособности византийских вооруженных сил. Учитывая оперативные возможности ромеев, Карл Анжуйский выбрал своей главной стратегической целью ромейский флот и соответственно контроль над бассейном Эгейды. В свою очередь, осознавая объективную угрозу стратегических интересов империи на море, византийцы стремились всячески ослабить военный потенциал сил главных морских союзников Карла Анжуйского – триархов Эвбеи [41, vol. 2, р. 736–737].

Управляемый триархами и подчиненный своему синьору Гийому Виллардуэну⁷, хорошо укрепленный тремя крепостями – Ореос,

Негропонт и Каристос, в течение долгого времени остров Эвбея служил главным центром сопротивления латинян военным проектам Михаила Палеолога. Сформированный византийский флот именно против Эвбеи еще в 1269–1270 гг. организовал первые самостоятельные морские операции, в результате которых были разграблены прибрежные территории, сокрушены гарнизоны крепостей⁸. Кроме того, захваченные в боях вражеские корабли были включены в состав объединенной морской группировки сил [4, р. 365].

Вследствие дипломатических и военных мероприятий Карла Анжуйского в 1271–1274 гг. центр византийско-латинского противостояния окончательно сместился от Ахайи к Эгейским островам, Центральным Балканам и Албании. Угроза военного вторжения Карла Анжуйского в Византию вновь стала явной после смерти Михаила II Ангела. Территории, принадлежавшие деспоту, были разделены между его сыновьями – Никифором, унаследовавшим Эпир с центром в Арте, и Иоанном Ангелом, получившим Фессалию со столицей в Неопатрах. Предупреждая заключение военно-политического союза между сыновьями Михаила II и Карлом Анжуйским, Михаил VIII установил мирные отношения с Никифором, выдав за него замуж свою племянницу. Усмирение Иоанна Ангела основывалось на брачном союзе его дочери с племянником императора севастократором Андроником Тарханиотом, получившим титул великого коноставла и дуки Адрианополя с прилегающими областями, соседствующими с владениями Иоанна Ангела⁹. Таким образом, эти два брачных союза должны были стать гарантией мирных отношений Михаила VIII и сыновей Михаила Ангела¹⁰.

Главная военная угроза Византии исходила от созданного на Балканах королевства Албании. После смерти Михаила II Ангела в 1271 г. албанская знать подтвердила свое желание установления независимости от правителя Эпира Никифора Ангела. Карл Анжуйский, пользуясь слабостью Никифора, поддержал стремление албанцев, подписав с ними договор 21 февраля 1272 г., по которому в обмен на признание за ним (Карлом Анжуйским) и его наследниками королевской власти¹¹ обещал обеспечивать поддержку в борьбе с Византи-

ей и сохранить определенные привилегии за представителями знати¹². Таким образом, с утверждением этого королевства на Балканах сформировался мощный опорный пункт для анжуйской армии, весь потенциал которой мог быть направлен против Византии¹³.

Взросшие одновременно с усилением присутствия Карла Анжуйского на Балканах амбиции Иоанна Ангела переросли дипломатические мероприятия Михаила VIII. В скором времени после заключения союза¹⁴, приняв на стороне мятежного Тарханиота, Иоанн Ангел не только выступил против императора, но и открыто поддержал действия Карла Анжуйского в Эпире [24, р. 133].

В первый год обсуждения церковной унии по существу [11, р. 69–70], очевидно, надеясь на поддержку Климента IV в сдерживании антивизантийских сил ромеями, была организована крупномасштабная кампания в Фессалию, находящуюся фактически под суверенным управлением мятежного севастократора Иоанна II Ангела. Весной 1273 г. в Фессалию под командованием деспота Иоанна Палеолога и Алексея Каваллария была направлена армия численностью более сорока тысяч ромейских воинов [33, vol. II, р. 421^{3–7}]. Несмотря на невозможность уточнения достоверности информации о численности, очевиден масштаб кампании и ее значение в стратегических планах Михаила VIII.

Отметим, что на первый взгляд данные источников позволяют предположить, что это была крупномасштабная кампания, осуществленная объединенными вооруженными силами в составе сухопутных войск и флота. Опыт их организации поздняя Византия получила еще в первые годы палеологовской империи¹⁵. В этих кампаниях императорский флот под командованием протостратора Филанфропина¹⁶ захватил Наксос, Парос, Кос, Каристос и Орей, укрепив оборону островов крепостями [33, vol. I, р. 271^{11–17}; 34, р. 480–484].

Подтверждением гипотезы выступают слова Георгия Пахимера, согласно которому сухопутной армии Иоанна Палеолога были приданы морские силы [33, vol. II, р. 421^{12–13}]. Вместе с тем, надо подчеркнуть, что А. Файе в комментариях к изданию текста Пахимера отметил, что упоминание о привлечении флота в кампанию Иоанна Палеолога, вошедшее

в публикуемый вариант текста, очевидно, было дописано в более поздних вариантах рукописи [33, vol. II, р. 420, note 2]. Возможно, это было сделано поздним переписчиком с целью объединения сообщения историка с последующими событиями. Подчеркнем, что и выжидательная позиция Иоанна Палеолога, укрывшегося на севере Фессалии после поражения под Неопатрами, и ход событий битвы при Димитриаде, неожиданно для деспота ставшей продолжением фессалийской экспедиции, подтверждают эту гипотезу.

Действия сухопутных сил экспедиционного корпуса в Фессалии, бегство Иоанна II Ангела из осажденных Неопатр, а также последующий разгром многотысячного ромейского экспедиционного корпуса тремястами [33, vol. II, р. 425^{10–11}] / пятьюстами [14, р. 114^{20–22}] латинских рыцарей, направленными из Фив герцогом Иоанном де ля Рошем, неоднократно попадали в поле зрения исследователей. Несмотря на это считаем необходимым остановиться на двух интересующих нас аспектах.

Во-первых, данные Пахимера о воинах, служивших под началом Иоанна Палеолога, позволяют предположить, что основной контингент войска был укомплектован фемными стратиотскими формированиями и дополнен отрядами наемников [33, vol. II, р. 403^{11–16}]. Хотелось заметить, что численность имперской армии, приведенная историком, ввиду огромных материальных затрат, требуемых для ее содержания, понести которые империя была не в состоянии, представляется не более чем выдумкой, точно отвечавшей общей негативной оценке Пахимером ромейской армии. Кроме того, указанная численность, или близкая к ней, в последующих сообщениях не повторяется даже при описании более опасных для Константинополя и империи событий¹⁷.

Сообщение об участии в операции нескольких (десятков) тысяч стратиотов, бедственное положение которых подчеркнуто Пахимером, дает нам возможность предположить, что решающим фактором поражения византийцев была слабая профессиональная подготовленность, недисциплинированность, недостаток вооружения и общая низкая боеспособность фемных формирований, сразившихся с профессиональными воинами, афинскими рыцарями. Об этом, в частности, свиде-

тельствуют данные Пахимера, указавшего, что в момент нападения ромейский лагерь не был подготовлен к обороне [33, vol. II, p. 425^{12–15}]. Высказанное предположение усиливают слова историка, сообщившего о том, что ромеи представляли собой «толпу, сражаясь беспорядочно» [33, vol. II, p. 425^{15–17}, 425^{23–25}].

Во-вторых, в связи с предметом исследования стоит выделить особую роль в этом событии французской и сицилийской корон. Полагаем, что вместе с принятием решения об отправке отряда французских рыцарей к Неопатрам, ломбардские бароны Эвбеи, по согласованию с Карлом Анжуйским, приступили к формированию флотилии. Морские силы Негропонта были существенно ослаблены успешными экспедициями Филанфропина в 1269–1270 годах¹⁸. Таким образом, для выступления против Византии союзники Карла Анжуйского нуждались в усилении боеспособности собственных вооруженных сил. Единственным доступным источником для этого были венецианские военные суда. Не противоречил этому и мирный договор, заключенный в 1268 году. Кроме того, что к 1273 г. окончился пятилетний период перемирия между Венецией и Византией, сам факт участия морских сил ломбардских баронов в этой экспедиции формально не нарушал мирных договоренностей¹⁹. Отметим, что право воевать с венецианскими кораблями ломбардских баронов Михаил VIII закрепил за собой еще в проекте договора с Венецией от 1265 года²⁰.

Дополнительным стимулом к возобновлению противоборства с империей стало начало ведения Михаилом VIII нового этапа переговоров с папой римским об унии, грозившей запретом ведения войн между братскими христианскими государствами²¹. В этой связи очевидной целью формируемой эскадры было нанесение сокрушительного поражения Византии на море. Время проведения операции было выбрано с учетом известной латинянам занятости основных ромейских сил в фессалийской кампании. Полагаем, что известие о поражении армии Иоанна Палеолога стало сигналом к началу морской экспедиции в Пагасейский залив. Подготовленность эвбейцев к сражению и его значение подчеркиваются масштабом и качеством привлекаемых сил. Однако в этом конкретном случае важно не количество кора-

блей, а опыт и укомплектованность команд, а также оснащенность кораблей.

В повествовании об окончании сухопутного этапа кампании более информативен Пахимер. По его данным, Иоанну Палеологу сообщили о начале морской битвы, когда он располагался с оставшимся после поражения войском в Дриманисе [33, vol. II, p. 429^{13–14}; 18, S. 300]. Нам ничего не известно о том, как долго деспот находился там после битвы при Неопатрах. Однако тот факт, что спустя день и ночь пути его наспех сформированный корпус с маршевого хода вступил в битву при Димитриаде, преодолев пятьдесят стадий [33, vol. II, p. 429^{17–18}], позволяет предположить, что его войско не стало на лагерный постой.

В связи с тем, что основным объектом нашего исследования является морское сражение при Димитриаде, считаем необходимым подробнее остановиться на характеристике освещения этой темы в науке. В современной историографии это событие получило разную трактовку как в вопросе датировки, так и в понимании причин и хода сражения. Ряд исследователей датируют его 1274 г. [8, p. 127; 21, p. 243]. Так, например, характеризуя действия византийской армии и флота против мятежника Иоанна II Ангела, Д. Никол вписал краткое сообщение о фессалийской кампании и сражении при Димитриаде в события 1274 г. [31, p. 59].

Наиболее распространенной датой сражения, основанной на предпочтительности хронологической последовательности событий, представленной в латинских источниках (Марино Санудо), является 1275 год. В частности, по мнению Дж. Бьюри, в сражении, произошедшем в 1275 г., приняли участие представители высшей ломбардской знати [7, p. 336–337]. Д. Джианаконгос датировал военные действия сухопутного экспедиционного корпуса Иоанна Палеолога и сражение у Димитриады 1275 г. [13, p. 282–285]. Историк обосновал датировку двумя письмами Карла Анжуйского от 1275 г., содержащими указания на действия флота Михаила VIII в море у Эвбеи. Поскольку письма не содержат какой-либо конкретики, считаем возможным усомниться в правильности датировки. Полагаем, что более оправдано предположение о том, что призывы в источниках могли относиться к

действиям Ликаррио, присягнувшего на верность византийскому императору. Кроме того, в 1275 г., на следующий год после заключения Лионской унии, открытые действия латинян против Михаила VIII фактически означали бы начало войны против императора, примирившего христиан.

Опираясь на сообщения Пахимера, Э. Арвейле датирует события концом 1275 – началом 1276 г. [4, р. 368]. По мнению Ж. Лоньона, весной 1275 г. Михаил VIII отправил сильный византийский флот в залив Волос для морской блокады сил Иоанна II Ангела в Неопатрах [22, р. 257].

Как мы уже подчеркивали, датировка событий фессалийской кампании, не имея строгой событийной привязки и установленного объективного хроноиндикатора, должна осуществляться с учетом внешнеполитического положения сторон и хода переговоров о заключении церковной унии. В этой связи, на наш взгляд, наиболее обоснованным является мнение, предложенное А. Файе, датировавшем кампанию Иоанна Палеолога 1273 г. [12, р. 202].

Еще более неопределенно представлены в литературе мнения о причинах битвы. Общим местом стали либо простые упоминания о событии в общей канве военной истории [8, р. 126–127; 21, р. 243–244; 31, р. 58–59], либо акцент на неподготовленность ромеев в связи с неудачами на первом этапе битвы [24, р. 135]. Лишь Э. Арвейле ставит вопрос о том, что к организации сражения эвбейцев побудило чувство отмщения [4, р. 368]. Показательно, что М. Бартусис не только не конкретизирует год проведения фессалийской кампании и самого сражения при Димитриаде, но и лишь кратко вписывает их в общие военно-политические события 70-х гг. XIII в. [6, р. 60–61].

Учитывая стратегическую значимость сражения при Димитриаде, позволим себе предположить, что его следует рассматривать более широко как с военно-политической точки зрения, так и в аспекте оперативного искусства и тактики. Постараемся последовательно раскрыть позиции противоборствующих сторон.

Прежде всего стоит подчеркнуть, что византийцы не были готовы к начавшемуся морскому сражению. И дело здесь не в низкой боеспособности ромейского флота. Как показал боевой опыт нескольких предшествующих

лет, военно-морские силы под командованием Филанфропина могли не только противостоять, но и наносить ощутимый урон эскадрам противника, в том числе ломбардцам Эвбеи. Скорее всего, следует говорить о неподготовленности корабельных команд к конкретной битве. Возможно, это было связано с тем, что в рамках фессалийской кампании флоту под началом Филанфропина отводилась лишь вспомогательная роль. Он мог в равной степени выступать прикрытием сухопутных сил от потенциальной помощи со стороны эвбейских баронов, а также использоваться для передислокации крупного сухопутного контингента в район основных боевых действий. В пользу последнего тезиса свидетельствуют упомянутые византийскими историками места формирования подразделений сорокатысячной армии Иоанна Палеолога. В частности, по данным Пахимера, в составе экспедиционного корпуса деспота наряду с фракийцами и македонцами были «пафлагонцы, месофиты... мисийцы и фригийцы» [33, vol. II, р. 403^{11–15}], а также многолюдные отряды «скифов» и «итальянцев» [33, vol. II, р. 403^{15–16}]. Кроме того, косвенно об этом свидетельствует и само количество задействованных кораблей. Отметим, что ни до, ни после битвы при Димитриаде в палеологовский период нам не встречались упоминания о византийском флоте такой численности. Очевидно, что в заливе располагались все корабли империи. Силы противников Византии и их оперативно-тактическая позиция были принципиально иными.

Итак, как представляется, во время сражения при Неопатрах, или в скором времени после получения информации о разгроме сухопутного экспедиционного корпуса Иоанна Палеолога, латинский флот зашел в Пагасейский залив и запер в нем линейным построением стоявшую в гавани при Димитриаде византийскую эскадру.

Ход одной из крупнейших в истории Византии битв отражен в источниках с разной степенью детализации. Отличаются сообщения и о численности кораблей флотов противников. Так, по данным Пахимера, соотношение эскадр ромеев и ломбардцев было примерно два или три к одному [33, vol. II, р. 429^{6–8}]. При этом, описывая начало фессалийской кампании, Пахимер упомянул о семидесяти трех кораблях под командованием

Филанфропина [33, vol. II, p. 423¹⁴⁻¹⁵]. Григора сообщает о пятидесяти византийских кораблях и тридцати латинских с Крита и Эвбеи [14, p. 117¹⁸⁻²⁴]. По Санудо, со стороны ромеев было восемьдесят судов, а со стороны эвбейских баронов – шестьдесят два (*e armorono XII trà Galee e Tarrette e 50 altri Legni da Remo, e andorono presuntuosamente, incontrando l'Armata dell Imperatore ch'era di 80 Gallee*) [43, p. 121]. Уточнить эти данные не представляется возможным. Следует лишь отметить, что для венецианских морских кампаний было традиционным привлечение в экспедиции до 30–40 кораблей [9, p. 118].

Большой интерес представляют данные о типах используемых в сражении судов. Сообщение Георгия Пахимера кажется наименее информативным в этом вопросе. Историк в описании ромейской эскадры использует общее наименование корабля – *ἡ ναῦς*, конкретизируя лишь то, что были собраны корабли длинные и быстроходные [33, vol. II, p. 421¹³⁻¹⁴]. В описании технических характеристик ромейского флота Никифор Григора вторит Пахимеру, подчеркивая, что ромейские суда были настолько же маневренными и быстрыми, насколько и слабо вооруженными [14, p. 118¹⁴⁻¹⁷]). Повторяет Григора Пахимера и в наименовании кораблей, используя в основном лексему *ἡ ναῦς*, а также много реже лексему *ἡ τριήρης* [14, p. 117¹⁷⁻¹⁹], применяемую для обозначения традиционных галей²². Прибывшие на помощь флоту сухопутные отряды Иоанна Палеолога перевозились на корабли на малых рыбацких лодках [33, vol. II, p. 431⁹⁻¹⁰]. Они представляли собой быстроходные высокоманевренные малые суда. Именно их маневренность позволила Иоанну Палеологу оперативно менять раненых моряков свежими боеспособными силами.

Характеристика латинских судов как похожих на города с высокими бортами и башнями [14, p. 117²⁴⁻²⁵–118¹]), явно указывает на наличие в составе ломбардской эскадры военных галер с высокой кормой, известных по историческим реконструкциям флота Карла Анжуйского и каталонских судов типа *galera gruesa*, а также тарид. Указанные большие военные корабли и торговые тариды отличались возможностью строительства на них баков и полубаков, позволявших разместить

арбалетчиков и укрыть их от неприятельских ударов [44, p. 50–54; 27, p. 105–106, 108; 28, p. 62]; увеличенной командой гребцов со ста восьмью до ста пятидесяти / двухсот и общей вместимостью до четырехсот человек [36, p. 82–84]. Наличие тарид (крупных торговых судов) [36, p. 36, 54–56] в эскадре латинян подтверждает Санудо, указавший, что в эвбейском флоте было двенадцать галей и пятьдесят тарид [43, p. 121]. Отметим, что наряду с использованием термина *ἡ ναῦς*, Никифор Григора называет корабли латинян триирами (*ἡ τριήρης*) и тетрирами (*ἡ τετρήρης*)²³. Если первый тип соответствует традиционным для средиземноморских государств галеем, то тетриры вызывают сомнения. Как нам представляется, Никифор Григора перенес в описание битвы у Димитриады тип кораблей с дополнительным рядом гребцов, известный историку по современному ему морскому делу XIV века. Использование на судах дополнительного ряда (из числа запасных гребцов, или арбалетчиков) входит в средиземноморскую практику с конца XIII – начала XIV в., характерную для нового типа корабельной конструкции и соответствующей техники гребли [27, p. 110–112; 36, p. 83–84]. Примечательно, что более ни у Никифора Григоры, ни у других историков палеологовского периода мы не встретили упоминания «тетрир».

Информация о составе и количестве кораблей латинской эскадры с привлечением данных об их технических характеристиках позволяет предположить, что общий численный состав ломбардского флота был представлен одиннадцатью тысячами восьмьюстами гребцов из основных команд, а также двумя тысячами сто семьдесятю арбалетчиками [36, p. 82; 9, p. 113–125, 118]. Отметим, что, несмотря на данные о наличии на кораблях Карла Анжуйского приспособлений для греческого огня [36, p. 78–79], ни один из источников не упоминает о его использовании.

Численность византийских корабельных команд установить крайне сложно в связи с упомянутым уже экстренным характером их сбора и выведением в море. Основываясь на представленных в историографии реконструкциях, а также численности судов, можно лишь предположить, что в идеальных условиях команды кораблей, выдвинувшихся к против-

нику в составе византийской эскадры, должны были насчитывать до четырнадцати тысяч шестисот человек [37, р. 255, 260–262]. Однако к началу сражения ситуация была совсем иной. Полагаем, что именно неукомплектованность и малочисленность корабельных команд стали причиной тяжелых потерь ромейских сил на первом этапе морского сражения.

Описание сражения при Димитриаде, представленное в византийских источниках, позволяет реконструировать некоторые детали. Прежде всего следует отметить, что в сражении отчетливо просматривается возможность выделить два этапа.

Первый этап начинается с момента боевого построения латинских кораблей в заливе. Как только информация о прибытии противников была получена, Филанфропин распорядился о срочном сборе корабельных команд и выходе судов к морю [14, р. 118^{1–4, 8–11}]. Последующие события свидетельствуют о стремлении флотоводца действовать согласно военно-тактическим наставлениям.

Обе стороны придерживались линейного построения боевых порядков. Так, латинская эскадра выстроилась в линию, фактически закрыв византийцам выход из залива. Первый лобовой удар по противнику нанесли ромеи, также использовавшие линейный строй. Как пишет Пахимер, византийские суда выстроились в линии десятками, и первая из них, с флагманским кораблем по середине строя, пошла на фронтальное столкновение²⁴. Такая конфигурация боевого порядка, с учетом технического превосходства латинян, суда которых были не только больше ромейских, но и имели усиленную защиту носовой части корабля [14, р. 118^{17–20}], очевидным образом отразилась на потерях византийцев в ближнем бою. Об этом ярко свидетельствует драматическое описание Пахимера, сообщившего о множестве жертв и залитом кровью море (καὶ θάλασσαν ῥέεν αἵματι: [33, vol. II, р. 429^{28–30}, 431^{13–14}]. Поддерживая, в том числе личным участием в битве, морально-духовное состояние команд, пострадал в рукопашном бою и командующий эскадрой (Τὸν δὲ γὰρ πρωτοστράτορα καὶ πολλὰ ἔβαλλον ταῖς ἀκίσιν καί, ἐπεὶ καθικέσθαι οὐκ ἦν ὀπλισμένον πεσόντος, τὰς μαχαίρας ἐμβάλλοντες τὸν ὄπλων ἐντός, ἥκιστα ζῶντο: [33, vol. II, р. 429³⁰, 431^{1–2}]). Переоценив

оперативные возможности, византийский флот перегруппировался. Данные Григоры о действиях левого и правого фланга византийской эскадры в противопоставлении византийских судов порядкам противника позволяют предположить, что эскадра Филанфропина в этот момент была выстроена дугообразно в форме полумесяца²⁵. Именно такой тактический прием был рекомендован Львом VI как наиболее эффективный, позволяющий опрокинуть и потопить корабли, или нанести командам максимальный урон [42, р. 522^{292–298}]²⁶. Очевидно, такое перестроение было рассчитано на уравнивание потенциала технически и материально превосходящих сил латинян с низкой боеспособностью многочисленного ромейского флота. Полагаем, что на этом этапе Иоанн Палеолог и застал битву.

В центре новых порядков, все так же согласно полемологической традиции, располагался флагманский корабль Филанфропина. Детали происходивших далее событий источники не сообщают. Однако, исходя из данных о продолжительности марша сухопутного корпуса Иоанна Палеолога в день и ночь, а также времени, необходимого для информирования деспота о сражении, можно предположить, что с начала битвы и до прибытия войск деспота прошло не менее двух дней²⁷.

Как сообщают источники, к моменту прибытия сил Иоанна Палеолога боеспособность византийского флота была существенно ослаблена. Флагманский корабль с флотоводцем, старшими морскими офицерами (τῶν νηῶν ἑξάρχος) и императорским отрядом из лучших доблестных воинов (τῶν μαχίμων ἀνδρῶν πρόκριτοι) был осажден [33, vol. II, р. 431^{18–20}]. Попытка переломить ход сражения введением в бой резервов на рыбацких лодках из оставшихся моряков не принесла успеха [33, vol. II, р. 431^{9–11}].

Очевидно, что наспех набранные недоукомплектованные корабельные команды ромеев, несмотря на перевес в численности кораблей, существенно уступали противнику как в силе, так и вооружении. Этот недостаток и был устранен после прибытия сухопутного корпуса.

Второй этап сражения начался с приказа деспота отобрать для переброски на корабли наиболее опытных воинов из тяжелой пехоты, лучников и пращников [14, р. 120^{8–12}]. Доста-

вив свежие силы на суда, ромеи произвели замену уставших и раненых в бою [33, vol. II, p. 431²⁴⁻²⁶; 14, p. 120¹²⁻¹⁴]. С учетом высоких бортов латинских кораблей, а также наличия на судах противников баков и полубаков наиболее эффективными оказались действия византийских прашников (χερμαῖοις καὶ τοῦτων τοὺς πλείστους κατὰ τῶν ἐναντίων χρωμένους [14, p. 120¹³⁻¹⁴]). Как долго продолжался второй этап битвы, мы не знаем. Основываясь на сообщениях источников, можно предположить, что бой закончился поздним вечером полным разгромом флота латинян: часть кораблей была потоплена, другие захвачены в плен вместе с находившимися на судах командами и представителями знати. Лишь два или три судна смогли уйти²⁸. Существенные потери понесли и ромеи. Наиболее значимым было ранение флотоводца Филанфропина, получившего тяжелое ранение в ближнем бою и скончавшегося вскоре после битвы [35, № 29751].

Выводы. Осуществленная нами реконструкция битвы при Димитриаде, рассмотренная в контексте актуальных военно-политических условий, показала, что нет оснований для понимания фессалийской кампании Иоанна Палеолога как крупномасштабной, осуществленной объединенными сухопутными силами и флотом. Морские силы ромеев не были готовы к ведению военных действий. В то же время экспедиция ломбардцев представляется нам хорошо спланированной, подготовленной заблаговременно к крупному морскому сражению. Время начала морского похода было выбрано латинянами из предположения о том, что понесшие поражение при Неопатрах силы Иоанна Палеолога не смогут своевременно оказать поддержку эскадре Филанфропина. Эвбеицы рассчитывали на неминуемое и быстрое сокрушение ромейских военно-морских сил, запертых в заливе. Однако профессиональные действия византийского флотоводца, полностью соответствующие теории корабельной войны, позволили эскадре Филанфропина выстоять до прихода подкрепления, не только освежившего силы, но и усилившего боеспособность корабельных команд.

Открытые действия ломбардских вассалов Карла Анжуйского не противоречили условиям пятилетнего мирного договора между

Византией и Венецией от 1268 года. Учитывая дату окончания договора, а также открытую вовлеченность в сухопутную и морскую части фессалийской кампании Иоанна Палеолога проанжуйских латинских сил, считаем наиболее обоснованной датировку событий весной – летом 1273 г., до заключения Лионской унии. Важность битвы у Димитриады подчеркивается масштабом привлеченных эвбейских сил и личным участием ломбардских баронов. Спасение ромейского флота стало прологом последующих успешных действий византийского флота в Эгейском море под командованием Ликарио.

Проведенная реконструкция морского сражения показала, что боевые успехи византийской армии основывались не только на таланте полководцев, командовавших войсковыми соединениями в условиях деградации военной организации. Представляется очевидным, что в столь значительном сражении, поражение в котором грозило гибелью всего имперского флота, эскадра Филанфропина одержала победу благодаря профессиональной подготовке и боевому опыту, основанным на знании византийской полемологии. На исход сражения повлияли состав и численность задействованного сухопутного войска, а также применение военных хитростей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мирный договор был не только результатом дипломатической политики Михаила, но и, как указывает А. Файе, успешным окончанием военных действий против Эпира. Заключенный союз на десять лет ограничил угрозу эпирского вторжения в Византию [12, p. 149, 154].

² [22, p. 255]. Подробнее о битве в изложении современников см.: [16].

³ [31, p. 50]. Венецианцы не оставляли этой идеи с 1261 г. [29, p. 188–189].

⁴ О подготовке Карлом атаки Константинополя см.: [33, vol. II, p. 461⁴⁻¹²; 14, p. 123–124].

⁵ [22, p. 256–257; 31, p. 50–53; 6, p. 58]. Датировка дана по: [26, p. 2].

⁶ [32, S. 312]. Угроза начала военных действий латинян против Византии стала более очевидной с декабря 1273 г., когда Карл Анжуйский после смерти Балдуина II фактически становился сеньором всех французских владений на Востоке. Это позволяло ему использовать армию и флот своих вассалов [22, p. 255–256; 31, p. 55; 29, p. 195; 6, p. 58].

⁷ Герцог Гийом незадолго до указанных событий возвратился из Италии, обнадеженный договоренностью с Карлом Анжуйским, основанной на планируемом браке дочери принца Ахайского Изабеллы и второго сына Карла Филиппа Анжу, о военной защите Морей со стороны Карла. Свадьба состоялась в Трапани в мае 1271 г. [40, р. 420].

⁸ Как указывает А. Файе, у крепости Ореос в 1270 г. состоялось морское сражение, в котором ромейский флот «впервые без поддержки наемников» нанес сокрушительное поражение латинскому флоту [12, р. 195–199].

⁹ Иоанн Ангел также был удостоен титула севастократора: [33, vol. II, р. 401⁹⁻¹²; 14, р. 130¹⁷⁻¹⁸].

¹⁰ Об отношениях между императором и сыновьями Михаила II см.: [14, р. 110].

¹¹ [32, S. 479; 13, р. 234; 17, р. 179]. По мнению Д. Якоби, признание вассалитета Никифором Ангелом и последовавшая за ним передача владений Ангелов Карлу Анжуйскому состоялись после заключения договора в Витербо, вероятно, 27 мая 1267 г. [17, р. 175].

¹² По мнению М. Дуру-Элиопулу, преданность ромейского населения Карл Анжуйский заслужил гибкой экономической политикой. Установив минимальные таможенные пошлины на ввоз и вывоз товаров в подвластной ему территории, снизив налоги и уменьшив повинности, Карл тем самым создал необходимые условия для низких цен на местных рынках [10, р. 67]. Одновременно с этим, торговыми льготами он привлек на эту же территорию многочисленных французских и итальянских купцов. Аналогичные меры были приняты Карлом для приближения венецианцев [10, р. 67–68]. Таким образом, Карлу удалось не только получить поддержку со стороны местного ромейского населения, но и обеспечить свои будущие военные начинания необходимыми материальными ресурсами и военно-технической базой – кораблями.

¹³ Уделив значительную долю внимания вопросам дипломатической стороны, в данном случае понимая невоенную сторону внешней политики, Д. Джианакопос отмечает, что после установления в Албании правления Карла Анжуйского Михаил Палеолог предпринял ряд мероприятий по свержению его режима, в том числе и силами самих албанцев. Подробнее об этом см.: [13, р. 234–235].

¹⁴ Д. Джианакопос предположил, что это произошло в начале 1273 г. [13, р. 231].

¹⁵ В частности, речь идет о крупномасштабных кампаниях 1262–1263 гг. с привлечением сухопутных сил и объединенного греко-генуэзского флота против греческих и латинских противников, политических образований Эгеиды и Пелопоннеса. Подробнее см.: [1].

¹⁶ [35, № 29751].

¹⁷ Тем не менее многочисленность войска деспота подтверждается иными данными Пахимера. Так, характеризуя сухопутные отряды, подчиненные Иоанну, историк подчеркнул, что они были столь многочисленны, что «все вместе составляли силу непобедимую» [33, vol. II, р. 403¹⁶⁻¹⁸]. В данном пассаже Пахимер для обозначения состава контингента использует военнотехнический термин – мегала аллагия [33, vol. II, р. 403⁹⁻¹⁰]. См. подробнее: [15; 5]. Вопрос численности имперской армии несколько проясняется в сообщении Санудо. Историк указал, что афинские рыцари сражались «с трехтысячной греческой конницей» [43, р. 121].

¹⁸ Помимо византийского флота, существенный урон латинянам наносили пираты. По мнению О.Е. Колотовой, пиратство Эгеиды, процветавшее в XIII–XIV вв., было фактически самостоятельным и не контролировалось Византией [2, с. 311].

¹⁹ Имена представителей эвбейской знати, принявших участие в экспедиции, приводит Маринно Санудо: [43, р. 122].

²⁰ См.: [3, с. 238, ст. 4, с. 241–242]. По мнению Дж. Бьюри, текст этого проекта с небольшими изменениями стал основой договора, заключенного между Византией и Венецией в 1268 г. [7, р. 335–336].

²¹ Как пишет Д. Джианакопос, война между Михаилом VIII и Карлом Анжуйским после заключения церковной унии приняла бы характер войны двух католических государей [13, р. 277].

²² [38, р. 254]. О вытеснении в византийской историографии лексемы дромон галейями и триерами см.: [37, р. 407–444].

²³ τὰς τριήρεις καὶ τετρήρεις: [14, р. 117²³⁻²⁴].

²⁴ Ὡς γοῦν κατὰ στίχας ἔστησαν κάκειναι μὲν ὅμα προσέβαλλον, αἱ δὲ τῶν Ῥωμαίων στιχηδὸν κατὰ δεκάδας ἐπῆσαν, αἱ μὲν τῆς πρώτης δεκάδος τὴν πρώτην ἐδέχοντο μάχην, καὶ τῆς δεκάδος ἡ πρώτη προώρμα, ὅπου καὶ ὁ Φιλανθρωπηνὸς πρωτοστράτωρ ἦν καὶ τὸ βασιλικὸν ἀνεγέγερτο σκῆπτρον, ὡς σύνηθες, καὶ δὴ συμπεσοῦσαι μάχην ἤγειραν κρατερὰν: [33, vol. II, р. 429²¹⁻²⁵].

²⁵ τὸ μὲν οὖν εὐώνυμον κέρας τῶν πολεμίων ἐπόνει πληττόμενον, ἔωθεν τοῦ ἡλίου τὰς ὕψεις συγγέοντος σφῶν· τὸ δὲ δεξιὸν κραταιότερον ταῖς Ῥωμαίκαῖς ναυσὶν ἐγκείμενον ἐνίκα λαμπρῶς καὶ δεινῶς ἐτραυμάτιζε τοὺς Ῥωμαίων ὀπλίτας τε καὶ ἐρέτας· ὡς ἀπογινώσκοντας ἦδη τοὺτους διεκπύπτειν καὶ παρὰ τὴν γῆν τρεπομένους ἐξίεναι, κενὰς ἐπὶ τῆς ψάμμου τὰς ναῦς ἀφίεντας: [14, р. 119⁵⁻¹¹].

²⁶ Следует согласиться с С. Кириакидисом, обоснованно подчеркнувшим востребованность полемологических трактатов в тактической подготовке командного состава византийской армии [19, р. 63].

²⁷ Отметим, что имеющиеся на латинских галеях запасы воды, провианта и вооружения были достаточны для автономного плавания на период от трех до семи дней. См.: [9, p. 121].

²⁸ [33, vol. II, p. 431²⁸]; «καὶ οὕτω μέχρι δέλης ὀψίας» [14, p. 120¹⁴⁻¹⁷]. По сообщению Санудо, в ходе битвы был убит триарх Эвбеи Гильельмо II далле Карчери: [43, p. 122].

REFERENCES

1. Zolotovskiy V.A. Vizantiyskiy flot perioda pravleniya pervykh Paleologov (1259–1328) [Byzantine Navy During the Rule of the First Palaiologan Emperors (1259–1328)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 5, pp. 238–250. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.5.22>
2. Kolotova O.E. Vizantiyskiy flot i piratstvo pri imperatore Mikhaile VIII Paleologe (1261–1282) [Byzantine Navy and Piracy under Emperor Michaels VIII Paleologus (1261–1282)]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2011, vol. 40, pp. 302–312.
3. Khvalkov Y.A. Tekst vizantiysko-venetsianskogo dogovora 1265 [Text of an Unapproved Treaty Between Byzantium and the Venice, 1265]. *Antichnaya drevnost i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2014, vol. 42, pp. 236–246.
4. Ahrweiler H. *Byzance et la mer; la marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe–XIe siècles*. Paris, Pr. Univ. de France, 1966. 506 p.
5. Bartusis M. The Megala Allagia and the Tzaousios: Aspects of Provincial Military Organisation in late Byzantium. *Revue des études byzantines*, 1989, t. 47, pp. 183–205.
6. Bartusis M.C. *The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204–1453*. Philadelphia, Univ. of Pennsylvania Press, 1992. XVII, 438 p.
7. Bury J.B. The Lombards and Venetians in Euboea (1205–1303). *The Journal of Hellenic Studies*, 1886, vol. 7, pp. 309–352.
8. Chapman C. *Michel Paléologue, restaurateur de l'Empire byzantin (1261–1282)*. Paris, E. Figuière, 1926. 204 p.
9. Dotson J.E. Foundations of Venetian Naval Strategy from Pietro II Orseolo to the Battle of Zonchio, 1000–1500. *Viator: Medieval and Renaissance Studies*, 2001, vol. 32, pp. 113–125.
10. Dourou-Eliopoulou M. Les «Enrangers latins» en Romanie angevine sous Charles Ier (1266–1285). *Byzantinoslavica*, 1998, t. LIX, fasc. 1, pp. 65–70.
11. Evert-Kappesova H. Une page de l'histoire des relations byzantines-latines. *Byzantinoslavica*, 1952–1953, t. 13, pp. 68–92.
12. Failler A. Chronologie et composition dans l'histoire de Georges Pachymère. *Revue des études byzantines*, 1981, t. 39, pp. 145–249.
13. Geanakoplos D. *Emperor Michael Palaeologus and the West, 1258–1282: A Study in Byzantine-Latin Relations*. Cambridge (Mass.), Harvard Univ. Press, 1959. XII, 434 p.
14. Schopen L., Bekker I., eds. *Gregoras Nicephorus. Historia Romana. In 3 vols. Vol. 1*. Bonn, Weber, 1829. 568 p.
15. Hendrickx B. Allagion, Tzaousios et Protalagatōr dans le context Moréote: quelques remarques. *Revue des études byzantines*, 1992, t. 50, pp. 208–217.
16. Iorio G. La battaglia di Benevento (26 Febbraio 1266) nei cronisti coevi. *Schola Salernitana – Annali*, 2016, vol. XXI, pp. 9–34.
17. Jacoby D. The Relations of Charles of Anjou with Nikephoros of Epiros. *Studies on the Crusader States and on Venetian Expansion*. Northampton, Variorum Reprints, 1989, pp. 170–194.
18. Koder J., Hild F. *Tabula Imperii Byzantini. Bd. 1: Hellas und Thessalia*. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1976. 316 S.
19. Kyriakidis S. *Warfare in Late Byzantium, 1204–1453*. Boston, Brill, 2011. 272 p.
20. Laurent V., Darrouzès J. *Dossier grec de l'union de Lyon, 1273–1277*. Paris, Institut français d'Etudes Byzantines, 1976. XVII, 612 p.
21. Longnon J. *L'empire Latin de Constantinople et la principauté de Morée*. Paris, Payot, 1949. 363 p.
22. Longnon J. The Frankish States in Greece, 1204–1311. Setton K.M., Wolff R.L., Hazard H.W., eds. *A History of the Crusades. Vol. II: The Later Crusades. 1189–1311*. Madison, Univ. of Wisconsin Press, 1969, pp. 235–276.
23. Longon J. Le rattachement de la principauté de Morée au royaume de Sicile en 1267. *Journal des Savants*, 1942, t. 15, pp. 134–143.
24. Miller W. *The Latins in The Levant. A History of Frankish Greece (1204–1566)*. New York, E.P. Dutton and Company, 1908. 678 p.
25. Millingen A. van. *Byzantine Constantinople: The Walls of the City and Adjoining Historical Sites*. London, J. Murray, 1899. XI, 361 p.
26. Minieri-Riccio C. *Itinerario di Carlo I. di Angiò; ed altre notizie storiche*. Napoli, Stabilimento tipografico partenopeo, 1872. 54 p.
27. Mott L.V. Ships of the 13th Century Catalan Navy. *International Journal of Nautical Archaeology*, 1990, vol. 19, no. 2, pp. 101–112.
28. Müller R.C. Venetian Ships and Shipbuilders Before the Millennium. *Le technicien dans la cité en Europe occidentale, 1250–1650*. Rome, Ecole française de Rome, 2000, pp. 61–71.

29. Nicol D.M. *Byzantium and Venice: A Study in Diplomatic and Cultural Relations*. Cambridge, University Press, 1988 (1989). XIV, 465 p.
30. Nicol D.M. *The Despotate of Epiros, 1267–1479: A Contribution to the History of Greece in the Middle Ages*. Cambridge, New York, Camb. Univ. Press, 1984. XIII, 297 p.
31. Nicol D.M. *The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453*. London, Hart-Davis, 1972. XII, 482 p.
32. Norden W. *Das Papsttum und Byzanz*. Berlin, B. Behr, 1903. XIX, 764 S.
33. Failler A., Laurent V., eds. *Pachymérès Georges. Relations historiques. Vol. I. Liv. I–III*. Paris, Les belles lettres, 1984. 325 p.; *Vol. II. Liv. IV–VI*. Paris, Les belles lettres, 1984, pp. 328–667; *Vol. III. Liv. VII–IX*. Paris, Inst. fr. d'ét. byz., 1999. 305 p.; *Vol. IV. Liv. X–XIII*. Paris, Inst. fr. d'ét. byz., 1999, pp. 306–727.
34. Polidori-Galvani F.L., ed. *La Cronique des Venéciens de maistre Martin da Canal. Archivio storico Italiano*, 1st ser., 1845, t. VIII, pp. 229–798.
35. Trapp E., Walther R., Beyer H.-V., eds. *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. CD-ROM Version*. Wien, Verl. d. Österr. Akad. d. Wiss., 2001. 1 CD-ROM.
36. Pryor J.H. The Galleys of Charles I of Anjou King of Sicily: ca. 1269–84. *Studies in Medieval and Renaissance History*, 1993, vol. XIV, pp. 33–103.
37. Pryor J.H., Jeffreys E.M. *The Age of the dromon. The Byzantine Navy ca 500–1204*. Leiden; Boston, Brill, 2006. 758 p.
38. Raybaud L.-P. *Le gouvernement et l'administration centrale de l'Empire Byzantin sous les premiers Paléologues (1258–1354)*. Paris, Sirey, 1968. 293 p.
39. Setton K.M. *The Papacy and the Levant (1204–1571). Vol. I: The Thirteenth and Fourteenth Centuries*. Philadelphia, American Philosophical Society, 1976. 514 p.
40. Schmitt J., ed. *The Chronicle of Morea. To Chronikon tou Moreōs*. London, Methuen & Co., 1904. XCII, 640 p.
41. *The Oxford Dictionary of Byzantium. In 3 Vols.*, vol. 1. New York, Oxford, Oxford University Press, 1991. 728 p.; vol. 2. New York, Oxford, Oxford University Press, 1991, pp. 729–1474.
42. Dennis G., ed. *The Taktika of Leo VI*. Washington, DC, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2010. 690 p.
43. Hopf Ch., eds. Torsello, Marino Sanudo. *Istoria del regno di Romania. Chroniques gréco-romanes*. Berlin, Librairie de Weidmann, 1873, pp. 99–170.
44. Wiel A. *The Navy of Venice*. New York, E.P. Dutton and Company, 1910. 370 p.

Information About the Author

Vladimir A. Zolotovskiy, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, zolotovskiy.azi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4259-8851>

Информация об авторе

Владимир Алексеевич Золотовский, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, zolotovskiy.azi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4259-8851>